

УДК 32.019.5(430):(470+571)

ОБРАЗЫ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ В ГЕРМАНИИ: ПРЕДЕЛЫ ВАРИАТИВНОСТИ***А.В. ДЕВЯТКОВ
И.Ю. МОСТОВСКИХ***Тюменский государственный
университет**e-mail: meisterandrej@yandex.ru*

Официально российско-германские отношения носят характер стратегического партнерства, а образ постсоветской России в Германии всегда в положительную сторону отличался от тех, что были свойственны другим странам ЕС. Российская внешняя политика могла играть на разнообразии дискурсов о России внутри Германии. Однако за последние годы критика России в немецком обществе возрастает, что может иметь серьезные негативные последствия для отношений не только с Берлином, но и с Европейским Союзом в целом.

Ключевые слова: политический дискурс, Россия, Германия, стратегическое партнерство, национальные интересы.

В отношениях с Европейским Союзом Россия всегда отдавала предпочтение не многостороннему, а двухстороннему формату отношений с отдельными странами Европейского Союза. Это позволяло предотвращать формирование в ЕС некоего общего подхода в отношении с Россией, который, несомненно, был бы серьезным вызовом для европейской политики Москвы. В этой связи достаточно вспомнить скоординированную позицию ЕС по вопросу ратификации Россией Энергетической Хартии и, кроме этого, попытку выработать такую позицию по российско-грузинской войне 2008 г. С другой стороны, стратегическое партнерство с отдельными государствами ЕС позволяло Москве в значительном мере реализовывать свои интересы в отношении с ЕС, прежде всего в сфере энергетики.

Германия была ключевой страной, с которой Москва активно налаживала двустороннее взаимодействие. В отношениях с Германией присутствует не только существенный товарооборот, но также и отдельный формат межправительственных консультаций с участием лидеров стран и, самое главное, довольно близкие отношения в энергетической сфере. С помощью газопровода Северный поток, против которого возражали такие страны как Польша и Эстония, Германия превратилась в российский энергетический хаб на европейском направлении.

На протяжении всей постсоветской истории России наша страна считалась в Германии ключевым звеном «восточной политики». Поэтому и дискуссии о судьбах российской демократии и внешней политики были крайне интенсивными. В целом в структуре немецкого политического дискурса достаточно четко выделялись две группы мнений о России. Первая из них условно может быть названа эмпатической. Представители этого направления склоняются к идее о необходимости вовлечения России в различные европейские структуры как неотъемлемой части Европы исторически и культурно и как важнейшего партнера с точки зрения прагматических интересов.

Ярким примером выражения такой позиции может служить книга «Европеизация России», вышедшая в 2012 г. под редакцией Г. Эрлера, госсекретаря МИД Германии при Г. Шредере. Несмотря на критику последних политических событий в России конца 2011-начала 2012 г., авторы все же верят в наличие перспектив для положительных изменений в российской внутренней политике, в необходимость интеграции России в европейскую архитектуру безопасности (в т.ч. НАТО), а также в неизбежность для нее самой европейского пути развития, вне зависимости от проекта Евразийского Союза или желания более активно присутствовать в Азии¹.

* Статья подготовлена в рамках проведения поисковых научно-исследовательских работ при поддержке Министерства образования и науки РФ, федеральная целевая программа «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы (мероприятие 1.2.2 – IV очередь). Госконтракт № 14.740.11.1387.

¹ Die Europäisierung Russlands. Moskau zwischen Modernisierungspartnerschaft und Grossmachtrolle. Frankfurt, 2012.

Эмпатический дискурс наиболее сильно был выражен у представителей немецкого крупного бизнеса, прежде всего энергетических компаний. Особенно в период канцлерства Г. Шредера в воздухе витала идея о стратегическом партнерстве между Россией и Германией в области энергетики: в обмен на доли в немецких распределительных сетях Россия предлагала немецким компаниям прямой доступ к российским месторождениям, что повышало энергообеспечение ФРГ в целом и более высокую капитализацию немецких энергокомпаний в частности. Частично эта идея была реализована путем обмена активов между несколькими немецкими и российскими фирмами.

Связь эмпатического дискурса и интересов крупных энергокомпаний прослеживается и в судьбе одного из самых влиятельных немецких экспертов по России А. Раа. На протяжении долгого времени он являлся ключевым популяризатором идеи сближения с Россией, отмечая важность для Германии восточного соседа. Он также предлагал интенсифицировать разработку Западом стратегии по вовлечению России в энергетический альянс, евроатлантическую архитектуру безопасности, общее партнерство в рамках международных организаций, подписание с Россией соглашения о зоне свободной торговли². Несколько же месяцев назад А. Раа ушел в крупную немецкую энергетическую компанию Винтерсхолл, которая имеет серьезное присутствие в России, в качестве старшего советника.

Еще более знаковым был уход бывшего канцлера Г. Шредера в совет компании Nord Stream AG, оператора трубопровода Северный поток, подконтрольного Газпрому. В бытность свою бундесканцлером Шредер выступал за активное энергетическое и политическое сотрудничество с Москвой. Тогда же заговорили о символической оси Берлин-Москва-Париж, выступившей против Иракской войны США.

Однако сводить немецкие интересы к энергетическому лоббизму вряд ли представляется возможным. Во-первых, правящие элиты Германии рассматривают Россию как ключевого игрока в обеспечении германского энергопотребления, т.е. в контексте вопроса о немецкой энергетической безопасности. Берлин не отличается в этом, например, от Соединенных Штатов, которые выстроили систему партнерств на Ближнем Востоке. Во-вторых, те же экономические интересы формулируются гораздо более разнообразно, нежели просто интересы крупного бизнеса. Германия осознает себя как мировой лидер в области экспорта, поэтому деятельность нескольких тысяч немецких компаний на российском рынке воспринимается как прямая реализация экспортных интересов Германии (Standort Deutschland). Эта позиция закреплена не столько в деятельности тех или иных бизнес-ассоциаций, сколько в самом политическом дискурсе.

Эмпатический дискурс имеет в Германии серьезные историко-культурные корни. Во-первых, немецкая история сама по себе травматична, и одним из самых критических моментов немецкого прошлого был период «холодной войны», когда Германия была разделена на два государства. В этой связи преодоление конфликта Востока и Запада являлось в Германии национальным приоритетом. Именно Германия была первым западноевропейским государством, которое в начале 70-х гг. пошло на разрядку напряженности в отношениях с СССР. Преодоление конфликта Востока и Запада определяется в сегодняшних работах немецких международных историков, журналистов как цезура в современной немецкой и европейской истории. Именно поэтому Германия считает своим приоритетом не допустить нового разделения Европы.

Немецкие ученые, особенно в 90-е гг., зачастую сравнивали Россию с Германией после Первой мировой войны. Считается, что та трансформация, которую переживает Россия, во многом напоминает опыт Веймарской республики³. Немцы осознают сложности экономических и в особенности политических преобразований. Люди более старшего поколения даже иронично относятся к немецкой демократии, так как понимают, что она во многом состоялась благодаря США и их западным союзникам. В этой перспективе трудности российского пути понятны в контексте немецкой исторической памяти. Также актуальность прошлого видна через сравнение немецкой и российской истории как истории двух «особых путей» в Европу.

² Rahr A. Kein Europa ohne Russland // Internationale Politik. 2009. №1. S. 45-50.

³ Krumm R. The rise of realism: Germany's perception of Russia from Gorbachev to Medvedev // Constructing Identities in Europe: German and Russian Perspectives. Baden-Baden, 2012. P. 120.

Помимо этого, в немецком политическом дискурсе ситуация в России напрямую связывается с вопросом безопасности Германии. Одной из самых проблемных позиций для Германии является кризис режимов разоружения в Европе. Немцы прекрасно помнят, что крупнейшая группировка советских танков была расположена именно в ГДР. Поэтому в Германии с большой настороженностью восприняли решение России в 2008 г. по фактическому выходу из режима, предусмотренного Договором об обычных вооруженных силах в Европе.

Географическая близость Германии к России порождает и множество других страхов и опасений, связанных с ситуацией у восточного соседа. В Германии с большим опасением смотрят на то, как Россия не преодолевает, а наоборот усиливает свою зависимость от энергоресурсов. Коллапс экономики, неконтролируемый или плохо содержащийся ядерный запас и российские атомные электростанции – эти идеи зачастую всплывают в рассуждениях о судьбе России⁴. Поэтому слабая, нестабильная Россия воспринимается в Германии скорее как угроза. «Как долго еще российский стиль государственного управления может иметь будущее, при том, что он опирается прежде всего на инструменты жесткой власти, без того чтобы опираться на необходимую легитимность, особенно в трудные периоды истории»⁵. Поэтому вовлечение России в Европу воспринимается и как инструмент обеспечения немецкой безопасности, в жестком (hard) или мягком (soft) ее варианте.

Критический дискурс в отношении России развит в большей мере в гражданском секторе. Партия зеленых, различные неправительственные организации выступают одним из главных ресурсов политизации нормативных вопросов в отношениях с Россией. Они тщательно отслеживают ситуацию с правами человека в России, судьбу российской демократии, отдельных активистов.

Вторым ресурсом политизации являются немецкие масс-медиа. Уже в 90-е гг. в немецких СМИ активизировался классический фрейм «русской угрозы», который в то время был связан с опасениями в отношении нестабильной России. Криминал, хаос, чеченский вопрос, больной и/или пьяный Ельцин – вот какими были классические образы России на тот период. В 2000-2010-е гг. ощущение угрозы в большей мере связано с возрождением авторитаризма в России, экспансией Газпрома, делами Ходорковского и Pussy Riot, поддержкой Москвой недемократических и опасных режимов в Иране, Сирии, Северной Корее, давлением на соседей (особенно на Украину в связи с «оранжевой революцией»)⁶. Сочувствие к России также имеет место быть, что особенно проявилось в связи с Бесланской трагедией. Тем не менее, в целом образ России в немецких СМИ крайне негативен.

Однако при рассмотрении образов России в немецкой прессе зачастую забывают, что она подвергает яркой критике и свое правительство, а также другие страны. Немецкие СМИ, в отличие, например, от американских, в большей степени стараются дистанцироваться от тех или иных политических сил и стремятся через предельную критику оставаться интересными и востребованными. В целом, хотя они и рисуют довольно мрачную картину, но с ней вряд ли не согласятся многие россияне вне «патриотического» контекста, если абстрагироваться от некоторых свойственных любому внешнему дискурсу штампов и стереотипов.

Долгое время эмпатический и нормативный дискурс уравнивали друг друга. В период первых двух президентских сроков В. Путина и президентства Д. Медведева в оценке России все-таки оставалась значительная доля неопределенности. Это позволяло как германским, так и российским властям чувствовать себя довольно комфортно и развивать серьезное экономическое и политическое партнерство. На президентство Д. Медведева пришелся самый высокий уровень ожиданий в отношении России: немцы вновь почувствовали свою историческую ответственность и экономические возможности в процессе российской модернизации.

Однако третье президентство В. Путина привело к значительному разочарованию в Германии. Эмпатический дискурс постепенно теряет свои позиции. Немецкие эксперты, которые ранее мыслили в умеренных, центристских категориях, сегодня все более критично настроены к российско-германским отношениям и России как таковой. Так, Ш. Майстер, сотрудник ключевого в Германии «мозгового центра» по международным от-

⁴ Adler S. Russisches Roulette. Ein Land ruiniert seine Zukunft. Berlin, 2011. S. 8.

⁵ Roth T. Russland: Das wahre Gesicht einer Weltmacht. München, 2010. S. 264.

⁶ Ahrens A., Weiss H.J. The image of Russia in the Editorials of German Newspapers (2001-2008) // Constructing Identities in Europe: German and Russian Perspectives. P. 153-162.

ношениям – Немецкого общества внешней политики (DGAP), заявляет о том, что немецко-российское «стратегическое партнерство» сменяется сегодня тенденцией к взаимному отчуждению⁷. А эксперт Фонда науки и политики (SWP) С. Стюарт призывает вообще перейти к избирательному, секторальному партнерству с Россией и более активно критиковать российское правительство по вопросам, по которым присутствует несогласие⁸.

Тенденцией в Германии является значительное падение интереса к России. Это происходит по двум основным причинам. С одной стороны, все больше времени проходит с момента распада СССР, и в мире появляется все большее число новых вызовов и проблем, на фоне которых Россия выглядит одним из многих средних по значимости государств. С другой стороны, имеет место быть разочарование в России, в перспективах ее модернизации, сближения с Западом. Примечательна статья в одном из номеров немецкого журнала *Spiegel*, где рассказывается о том, как Китай стал одним из приоритетных партнеров Германии на международной арене. Сравнивая Китай с Россией, автор рассуждает о том, что Китай проявляет больше гибкости в сирийском вопросе, нежели Россия, ориентирован на экономические и правовые реформы и т.д.⁹ Российская модернизация рассматривается в этой связи как симуляция.

Проявлением кризиса интереса к России является упадок исследовательской инфраструктуры по тематике России и постсоветского пространства. Все больше Россией занимаются не целые институты или департаменты, а отдельные энтузиасты.

Таким образом, пропасть между эмпирическим и нормативным дискурсом в Германии постепенно сужается. Вне зависимости от политической, идеологической, профессиональной принадлежности того или иного эксперта по России формируется некоторый общий список фактов, моментов, недостатков, устранение которых в Германии ставят уже в качестве условия какого-то более глубокого партнерства с Россией. Речь идет, например, об отсутствии правового государства в России, которое бы обеспечило как позитивный инвестиционный климат (благодаря независимости судов, подконтрольности правоохранительных органов и т.д.), так и минимальную правовую защищенность российских и иностранных граждан. Серьезным вопросом для немцев является и то, что в России, по сути, еще и не начиналась работа с собственной историей, в которой немцы видят причину расцвета послевоенной Германии¹⁰. Существует и множество других вопросов, но эти два выступают в роли ключевых.

В этом и состоит предел вариативности немецких образов России. Рассчитывать на то, что Германия, ориентируясь на свои материальные интересы, и далее будет играть роль адвоката России в ЕС, не приходится. Хотя, с другой стороны, Германия не готова к политике изоляции России, она считает бесперспективными инициативы, связанные с санкциями, ограничениями и т.д. (по примеру «списка Магнитского»). Но это лишь малая толика того, что Россия могла бы получить от Германии, будучи ее более открытым стратегическим партнером.

IMAGES OF POST-SOVIET RUSSIA IN GERMANY: LIMITS OF VARIABILITY

A.V. DEVIATKOV
I.Y. MOSTOVSKICH

Tyumen State University

e-mail: meisterandreij@yandex.ru

Officially the Russian-German relations are developing in the paradigm of strategic partnership and the image of the post-soviet Russia always differed positively from that widespread in other EU countries. Russian foreign policy was able to play with variety of discourses on Russia inside Germany. But last years criticism toward Russia is growing in the German society and it can have substantial influence on relations not only with Berlin but also with the European Union.

Keywords: political discourse, Russia, Germany, strategic partnership, national interests.

⁷ Meister S. An alienated partnership. German-Russian relations after Putin's return. FIIA Briefing Paper. 2012. №105.

⁸ Stuart S. Prämissen hinterfragen. Plädoyer für eine Neugestaltung der deutschen Russlandpolitik. SWP-Aktuell. 2012. №50.

⁹ Spiegel. 2012. №35.

¹⁰ Ruge G. Russland. München. 2008. P. 184.